

Моральный фактор в современном транзитивном обществе: социально-философский анализ

© О.А. Павловская

Институт философии НАН Беларуси, Минск, 220072, Республика Беларусь

Актуализирована проблема морального фактора в свете происходящих глобальных трансформаций, определены основные тенденции его проявления в условиях социальной транзитивности. Дана авторская трактовка понятия морали, представлена теоретическая модель морального фактора, позволяющая многограннее выразить роль морали в системе социально-культурных взаимодействий, раскрыть ее специфику в социально-исторической динамике. В контексте современного переходного общества показана противоречивая суть морального фактора: с одной стороны, расширение и падение общественных нравов, ослабление морально-правовой регуляции, с другой — зарождение и развертывание новых, жизнеутверждающих начал в человеческом бытии. На основе формационного подхода установлено, что обострение присущего капитализму процесса социально-морального разложения является катализатором системного социального кризиса, оказывает обратное (негативное) влияние на существующие производственные отношения, значительно деформирует их и способствует появлению различных квази-экономических форм. Обосновано, что введение концепта «информационно-гуманитарная цивилизация» позволяет отчетливо представить роль морали, ее социально-гуманистического потенциала в духовно-культурном развитии современного общества, а также выделить личностный фактор в качестве одной из ведущих движущих сил кардинального преобразования социума.

Ключевые слова: социальные трансформации, переходное общество, мораль, кризис капитализма, моральные деформации, гуманистические ценности, культура личности

Транзитивное (переходное) состояние является отличительной особенностью современного общества, отчетливо проявляется в социально-экономической, политической, духовно-культурной сферах. Состояние транзитивности свидетельствует о том, что общественная система переходит на качественно новый уровень своего развития, ранее действующая совокупность социетальных ценностей не может в должной мере обеспечить стабильность и упорядоченность существующих социальных связей, заметно активизируется аксиологический поиск в соответствии с новыми социальными запросами.

В глобальном масштабе социальная транзитивность обусловлена прежде всего происходящей информационной революцией, в результате чего стремительно появляются и внедряются новейшие технологии, совершенствуется материальная база производства с использова-

нием компьютерной техники и электронных средств связи, все более «завоевывает» общественное и индивидуальное сознание виртуальная реальность. Особую значимость приобретает проблема культуры инновационной деятельности, переосмысления традиционных императивов и открытия новых ценностей и смыслов, способствующих достижению согласия, взаимопонимания и уважения как в социальной реальности, так и в сетевом пространстве. Создание культуры сетевого общества, как считает известный испанский социолог М. Кастельс, не связано ни с социально-политическими доминантами индустриализма, ни с идеалистическими проектами философов, «это процесс, с помощью которого сознательные социальные акторы различного происхождения передают свои ресурсы и убеждения другим, ожидая получения того же взамен: общий многообразный мир, свободный от древних страхов» [1, с. 58]. По его мнению, культура сетевого общества является «культурой протоколов коммуникации», посредством чего задается общепризнанный акторами коммуникации нормативный порядок взаимного общения и действия. Известный белорусский философ Е.М. Бабосов отмечает: «Какими бы изощренными формами ни завораживала людей виртуальная реальность, создаваемая в XXI в., она всегда несет в себе облик (более или менее яркий, красочный, привлекательный) сотворенных подлинной культурой социально значимых идей, символов, идеалов, ценностей, норм, правил поведения, посредством которых люди организуют и регулируют свою жизнедеятельность» [2, с. 124]. Основная задача заключается в том, чтобы богатейший духовно-нравственный потенциал культуры не растворился бесследно в сетевом пространстве, а стал основанием для самосовершенствования и духовного возвышения человека как креативной личности, реальной почвой для установления равноправного и полноценного диалога между субъектами как реального, так и виртуального общения.

В региональном масштабе, применительно к постсоветскому пространству, транзитивность связана с переходом от советской (социалистической) системы общественных отношений к национально-государственному строительству независимых республик с курсом на установление рыночной экономики. Рыночная система хозяйствования первоначально рассматривалась в качестве своего рода постсоциалистического варианта экономического развития, а в действительности стала «воссозданием» капиталистических отношений, в рамках которых в превращенных формах нашли отражение и элементы отчужденного (самоотчужденного) труда, и обусловленные этим негативные последствия для духовно-нравственного развития личности. По мнению В.С. Стёпина, происходит «переход от советского социализма ко второму российскому капитализму» [3, с. 16]. Н.И. Лапин считает, что «фактически постсоветская Россия осуществила переход-transit

не к новому для нее типу общества, а к уже существовавшему во второй половине XIX в., но 100 лет назад погубленному буржуазному обществу» [4, с. 119].

Исследование специфики трансформационных процессов на постсоветском пространстве непосредственно увязывается с выявлением глубинных изменений общемирового масштаба. Как отмечает А.И. Зеленков, «метаморфозы глобализации убедительно демонстрируют амбивалентную природу происходящих трансформаций мирового сообщества, создавая поистине сюрреалистическую картину нашей эпохи» [5, с. 11]. В социально-экономическом плане феномен глобализации обусловлен современными информационно-технологическими и производственными процессами, в социокультурном — «заметно преобладают процессы негативной направленности... явления гипертрофированного индивидуализма, угасания надличностных смыслов и ценностей развития, ощущения отчужденности человека от общества и его бессилия перед лицом репрессивной информационной мегасистемы» [5, с. 6]. Поиск выхода из кризисного состояния все чаще связывается с переосмыслением и творческим развитием нравственных ценностей. «Сегодня для того, чтобы выжить, — утверждают П.А. Водопьянов и Ч.С. Кирвель, — человечеству необходимо реабилитировать другие стратегии, связанные с преодолением техноцентричной модели развития и возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры, среди которых свое законное место занимает и восточнославянская православная цивилизация» [6, с. 31].

Происходящие в обществе перемены актуализируют вопросы гуманистической направленности креативной деятельности и социально-этической экспертизы ее результатов. Как отмечает В.К. Лукашевич, «на первый план выходит этическое измерение научного прогресса, реализуемое не только в рамках научного сообщества и рассуждений об амбивалентности ученого, а в широком контексте нынешнего уклада жизнедеятельности человеческого социума, где нравственные устои главных акторов социального действия изучены явно недостаточно» [7, с. 65]. Очевидно, что достижения современной науки обязательно должны коррелироваться с нравственными ценностями и иметь социально-этическое измерение. В связи с этим важно заметить, что мораль не может быть представлена в виде вербально зафиксированной константы, своего рода рафинированного образца, с которыми сверяются научные изыскания.

Постановка проблемы морального фактора дает возможность не только углубить знание о морали как сложном социокультурном феномене, но и значительно расширить научный поиск закономерностей и особенностей взаимосвязи и взаимообусловленности морали и общества с учетом социокультурных трансформаций, происходящих как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе.

Цель статьи — актуализация проблемы морального фактора в свете происходящих глобальных трансформаций, определение основных тенденций его проявления в условиях социальной транзитивности. Методологическая база исследования — системный, диалектический, конкретно-исторический, формационный, цивилизационный подходы.

Понятие «социальная трансформация» приобрело особое значение и широкую популярность в социогуманитарном познании, но при этом остаются дискуссионными многие вопросы относительно природы и специфики трансформационных процессов, их направленности и темпов протекания, причин возникновения и последствий и др. В рамках исследования проблемы морального фактора используется определение социальной трансформации, данное российским исследователем В.В. Локосовым: «Трансформация социальная — это процесс существенного изменения общества в целом или его системообразующих элементов, который характеризуется многовекторностью, относительно высоким темпом реализации изменений и повышенным влиянием субъективных факторов. Главной причиной трансформации социальной является глубокий системный кризис общества. Поскольку трансформации может быть подвергнуто несколько социальных подсистем, то часто термин “трансформация социальная” используется во множественном числе» [8, с. 536]. Акцентирование культуры как фактора глубоких социальных перемен послужило основанием для использования в философско-социологическом дискурсе понятия «социокультурные трансформации» [9–11]. Как отмечает Н.И. Лапин, трансформация представляет собой локальный процесс, охватывающий близкие по культуре страны, она «начинается с резкого нарушения существовавшего социокультурного баланса — социетального кризиса» и завершается «установлением нового социокультурного баланса, после которого наступает этап институализации и воспроизводства нового типа общества [9, с. 33].

Выделение в структуре социальных (социокультурных) трансформаций таких сущностных характеристик, как наличие глубокого социального кризиса и значительная активизация субъективных факторов в процессе его преодоления, позволяет отчетливо выявлять специфику проявления морального фактора в условиях социальной транзитивности. Современное кризисное состояние в духовно-нравственной сфере, по мнению Е.М. Бабосова, отчетливо просматривается в таких негативных аксиологических трендах, как доминирование индивидуалистической направленности ценностных ориентаций, снижение значимости моральных ценностей, обесценение общественной значимости труда, превалирование ценности оплаты труда над значимостью интересной работы, преобладание материального

благополучия в ценностных диспозициях, снижение осознанной ценностно-нормативной регуляции поведения [12, с. 73, 74]. Эти и подобные проявления социального негативизма в переломный момент способствуют (открыто или подспудно) нарушению равновесия между элементами социальной системы, приводят ее в хаотическое состояние. Конструктивное начало процесса социальных преобразований непосредственно связано с активной позицией социального субъекта (субъектов) по осмыслению кризиса, поиску путей выхода из него, преодолению отживших элементов, выдвижению новых идей и проектов, их последовательной реализации, что в значительной мере обусловлено социальными потребностями в морально-психологическом оздоровлении, мотивировано высшими целями духовно-культурного развития человека и общества.

Феномен морального фактора. Чрезвычайно напряженная обстановка в сфере общественной морали, с одной стороны, и возникающая проблемная ситуация в области этического знания, связанная с его отставанием от современного научно-технического прогресса, с другой, требуют переосмысления комплекса существующих этических положений, их соотнесения и координации с насущными задачами человеческого бытия. Видный российский философ, специалист в области истории и теории этики А.А. Гусейнов, выступая на заседании круглого стола «Мораль в современном мире и проблемы российской этики» в журнале «Вопросы философии» (апрель 2017 г.), откровенно заявил: «Сами этические теории, которые у нас сегодня в ходу, оказываются недостаточными для того, чтобы схватить, понять современную нравственную ситуацию» [13, с. 8]. Открытым остается вопрос об определении сущности морали. В связи с этим А.А. Гусейнов задается вопросом: «Не пора ли в самом деле критично проанализировать определения морали как бескорыстия, безусловного долженствования, общезначимых требований, которые нам кажутся самоочевидными?» [14, с. 26].

Исследование проявления морали в процессе культурного взаимодействия общества и личности позволяет уточнить смысл понятия морали. При этом термины «мораль» и «нравственность» рассматриваются как синонимы, что связано с тождественностью смыслов в процессе их этимологии, а также с позицией большинства специалистов по этике. По мнению автора статьи, *мораль (нравственность)* — это социокультурный феномен, в котором через призму дихотомии добра и зла выражены *отношения* между человеком и другими субъектами общественной жизни и, соответственно, раскрываются различные духовные состояния, позволяющие определить качество человеческого бытия, а также отражается исторический переход от состояния дикости, животности, стадности к последовательному

обретению человечности как ведущей сущностной силы человека и ее проявлению в тех или иных культурно-цивилизационных формах. В этой дефиниции отражается двуединая сущность морали: с одной стороны, внутреннее противоречие, обусловленное дихотомией добра и зла и вытекающих из него иных противоположных состояний человеческого бытия (любовь и ненависть, справедливость и несправедливость, ответственность и безответственность, уважение и пренебрежение, преданность и предательство и др.), с другой — направленность на утверждение собственно человеческого в человеке и его высшей формы — человечности [15, с. 365].

Рассмотрение морали под таким углом зрения позволяет выявлять в ее природе имманентные источники функционирования и развития общества, определять ее в качестве одной из движущих сил социально-исторического процесса, более отчетливо раскрывать ее специфические черты в формировании духовного мира человека, повседневной жизнедеятельности и межличностных отношениях, а не ограничиваться только констатацией ее определенного нормативно-императивного содержания (преимущественно в конкретных локально-хронологических формах), а это, в свою очередь, актуализирует проблему морального фактора в системе общественных отношений.

Для того чтобы составить конкретное представление о проявлении морали в качестве фактора социокультурного развития, воспользуемся таким общенаучным методом, как моделирование. Теоретическая модель морального фактора в социально-историческом процессе включает два основных блока: характеристику морального фактора в социальной структуре и характеристику морального фактора в исторической динамике.

1. В социальной структуре моральный фактор — это проявление морали в функционировании и взаимодействии народного, государственного, личного факторов и, соответственно, в обосновании роли народных масс, государственных и общественных деятелей, личности в истории.

Ценностно-нормативная природа *народного фактора* проявляется посредством такого регулятивного комплекса, как общественные нравы. В условиях острого социального кризиса эта сфера повседневной жизни, с одной стороны, подвергается серьезным испытаниям, вплоть до возникновения ситуации «падения нравов», с другой — субстанциональная природа нравов может послужить естественной почвой для духовного возрождения народа и постепенного оздоровления морально-психологического климата.

Государственный фактор как совокупность целенаправленных воздействий со стороны государства, его структур, субъектов политической деятельности подчинен выражению и защите национальных

интересов, посредством чего утверждаются определенный общественный порядок и образ жизни людей. Наличие социально-политического кризиса, с одной стороны, резко отрицательно влияет на моральную составляющую государственного фактора, усиливая проявление лицемерия, ложных иллюзий, взаимной отчужденности и враждебности, с другой — остро ставит проблему реформирования системы государственного управления с опорой на культурные традиции и поиском новых идейно-нравственных координат.

Личностный фактор в концентрированном виде выражает реальные возможности человека как индивидуальности и личности влиять на ход общественной жизни. В структуре личностного фактора можно выделить три основных уровня проявления духовно-нравственного потенциала человека:

1) когда формируется «индивидуальная физиономия исторических событий» (Г.В. Плеханов), его проявление носит стихийный характер, зависит от конкретно-исторических обстоятельств;

2) по мере научного освоения действительности человек может «вмешиваться» в ход истории, повышается степень сознательного проявления его моральных сил;

3) в процессе самопознания и самосовершенствования человек все более обретает ощущение духовной свободы, способность понимать людей и окружающий мир, творчески реализовать свои личностные силы.

При этом полноценное личностное развитие человека достижимо в любое время, независимо от конкретно-исторических обстоятельств. В повседневной жизни, на первичном уровне социальных отношений, невзирая на социальные катаклизмы, раскрывается духовно-нравственный потенциал индивидов, преобразуется в их личную культуру, способствует установлению межличностных отношений, а следовательно, своим *человеческим* содержанием может влиять и на качество общественного бытия.

2. В социально-исторической динамике моральный фактор — это отражение моральных компонентов в механизмах социальной трансформации и стабилизации, общемировых тенденциях и исторических типах социокультурного развития.

В структуре морального фактора можно выделить три основные стороны, что позволяет составить более четкое представление о конкретном «участии» морали в социальной динамике: во-первых, в качестве *необходимого условия* обеспечения совместной жизни людей, своеобразной «хранительницы» традиционных ценностей; во-вторых, в качестве *симптома* (или группы симптомов) кризисного положения общественной системы, сигнализирующего о серьезных угрозах социальному и личному благосостоянию; в-третьих, в качестве

движущей силы социокультурного развития, что связано прежде всего с совершенствованием интеллектуального и духовно-нравственного потенциала человека, направленностью на улучшение своей личной и общественной жизни. Соотношение между этими сторонами морального фактора, их взаимосвязь посредством диалектического «снятия» может служить одним из основных критериев для объяснения механизмов социального трансформирования, чередования стабильных и критических состояний, перехода на новый качественный уровень общественного бытия.

В истории моральный фактор закономерно проявляется: а) как последовательно осуществляемая *эволюционная* сила, когда постепенно накапливаются духовно-нравственные силы народа и конкретных индивидов, формируются определенные системы социально-моральной регуляции и воспитания в свете традиционных ценностей; б) как *революционная* сила, когда в концентрированном виде выражается мощь человеческого духа, способного кардинальным образом изменить окружающую действительность, на передний план общественной жизни выдвигаются конкретные личности, готовые действовать сознательно и добровольно, возложить на себя ответственность за переустройство жизни человека и общества. Революционный характер морального фактора проявляется в реальной жизни с такой огромной силой, что по существу обуславливает начало переломных исторических эпох, открывает новые горизонты цивилизационного развития. По мнению автора статьи, в масштабах человеческой истории — это эпоха духовно-нравственных революций, эпоха социально-мировоззренческих революций, эпоха информационно-гуманитарной революции, в которую вступает современное человеческое сообщество [16].

Современный кризис капиталистической системы. Мировое общество, наряду с новейшими технологиями и их массовым освоением, столкнулось с масштабными проявлениями системного социального кризиса. В докладе Римского клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» (2018) отмечено, что кризис не ограничивается только сферой отношений «человек — природа», он негативно проявляется в сфере экономики, политики, культуры: кризис морали, кризис демократии, кризис идеологии, кризис беженцев, кризис самоопределения ЕС и др. [17]. Ситуация с коронавирусом, обострившаяся с 2020 г., является своего рода катализатором усугубления существующего кризиса мировой капиталистической системы, демонстрирует неспособность неолиберальных политико-экономических режимов должным образом ответить на этот вызов. При рассуждении о будущем капитализма (новом экономическом укладе) сегодня все чаще обращаются к моральной

проблематике. Английский экономист П. Коллиер указывает на то, что современный капитализм может обеспечить материальное процветание, но вместо этого движется к моральному банкротству, так как основой мотивации являются жадность, эгоизм, разделение и унижение. Изменить ситуацию к лучшему, по его мнению, можно лишь тогда, когда у государств появятся этические цели (в качестве позитивного исторического примера он называет политический курс Рузвельта), а также когда эти цели будут распространяться и на деятельность корпораций, сферу семейных отношений [18].

На первые позиции в системе общественных отношений начинает выходить информационный капитал, создается новое коммуникационное пространство с разветвленной информационной сетью и базой данных. Все это дает основания говорить о происходящей информационной революции. Как отмечает А.А. Лазаревич, «это не классическая “революция баррикад”, а во многом незримая, но реальная революция в состоянии и особенно потенциале “совокупного интеллекта” человечества» [19, с. 170]. Однако если рассчитывать на новейшую научно-техническую базу в кардинальной перестройке социально-экономических отношений, то открытыми остаются многие вопросы, которые напрямую связаны с проблемой человеческого фактора в создании и реализации новых социальных проектов. И самое главное — это вопрос о критериях достоверности и полезности любого вида информации, а также о той грани, за которой информация может легко перерасти в дезинформацию или стать средством для манипулирования сознанием индивида.

Наступление новой стадии социально-экономического развития преимущественно связывается с освоением новейших научно-технических достижений. Предлагаются различные названия общества: «постиндустриальное» (Д. Белл, Р. Арон), «информационное» (Ё. Масуда, М. Порат, Т. Стоуньер), «эпоха третьей технологической волны» (Э. Тоффлер), «новое индустриальное» (Дж. Гэлбрейт), «техно-тронное» (Зб. Бжезинский), «программируемое» (А. Турен), «сетевое» (М. Кастельс), «постэкономическое» (В.Л. Иноземцев), «общество, основанное на знаниях», «современное интеллектуальное общество», «цифровое общество» и др. При этом зачастую просматривается стремление связать переход к новому типу общества с исторической сменой общественно-экономических формаций. Хотя следует заметить, что появились и более осторожные суждения о вступлении в период «зрелого индустриального общества» (Р. Инглхарт), «гипериндустриальную фазу капитализма» (А.И. Фурсов), стадию «неоиндустриализации» (П.А. Водопьянов, Ч.С. Кирвель).

Информационная революция, по мнению автора статьи, — это научно-технологический прорыв, но не рубеж в процессе кардинальной

смены общественно-экономической формации. При всех выдающихся и потрясающих воображение научных и технических достижениях сохраняется сама природа экономического базиса капитализма (частная собственность, получение прибыли/сверхприбыли за счет вложения капитала, товарно-денежные отношения, наемный труд и эксплуатация человеческого труда, новые формы борьбы за источники сырья и рынки сбыта, безработица, жесткая конкуренция, спекуляция и т. п.). В социально-гуманитарном плане капитализм подавляет и извращает собственно человеческое в человеке, обесценивает его духовный мир, превращает индивида в простое средство, товар, вещь в процессе производства и потребления, представляет его в качестве рядового статиста и инструмента в политической борьбе.

Современное прочтение и переосмысление философии марксизма позволяет особо выделить *онтологические основания* проявления моральных компонентов в структуре капиталистических отношений как на этапе их становления, так и в ходе дальнейшего развертывания и деформирования.

Генезис *буржуазии* был связан с развитием промышленного производства и торговли, в ходе которого разрушены сословные отношения, вместо феодального хозяйственного застоя, торжества средневековой лени и неподвижности все более значимыми становились трудовая деятельность, высокопроизводительная, технически оснащенная, и ее плоды в форме прибыли/сверхприбыли и усовершенствованных орудий производства, что свидетельствует о революционной роли буржуазии в истории. Однако наряду с этим уже на начальном этапе капитализма обозначилось, хотя и в скрытой форме, присущее буржуазии противоречие социально-морального характера: «В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли» [20, с. 144].

Генезис *пролетариата* (класса наемных работников) непосредственно вытекает из капиталистического способа производства, в рамках которого ему изначально уготовано место в структуре производительных сил в виде обезличенной массы населения, которая вовлечена буржуазией в трудовую деятельность в целях получения наживы и воспринимается ею не иначе как совокупность товаров со всеми присущими для торговых сделок комбинациями и манипуляциями. В социально-моральном плане это положение расценивается исключительно негативно, так как лишает работников в процессе труда возможностей для личностного развития. «Рабочие,

вынужденные продавать себя поштучно», в то же время являются по существу рабами, причем «не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно поработает их машина» [20, с. 148]. В ряды пролетариев по мере развития капитализма рекрутируются различные слои населения — ремесленники, крестьяне, мелкие торговцы и предприниматели, различные группы обывателей, тем самым привнося в производственные отношения элементы мелкобуржуазной психологии. К разряду наемных работников, получающих плату за оказанные ими услуги, относятся и врачи, учителя, юристы и др.

Историческое «движение» буржуазии и «движение» пролетариата (наемных работников) взаимопересекаются и взаимообостряются. В реальной жизни они вынуждены одновременно действовать в существующих на данный момент времени производственных отношениях и подчиняться предлагаемым конкретно-историческим обстоятельствам. При этом не сразу проявляется естественно присущий этим классам антагонизм, на различных исторических этапах они вольно или невольно составляют своеобразный общественный «организм», который регулируется определенной системой правовых норм, административных требований, религиозных предписаний. Это своего рода «буржуазный зонтик», который под видом демократических ценностей и либеральных идей прикрывает истинное положение вещей в сфере духовно-нравственных отношений, которое по мере развертывания капиталистического способа производства все более и более обостряется и неблагоприятно влияет на морально-психологическое состояние как представителей буржуазии, так и наемных работников.

Возникает конкретно-историческая форма морали — мораль капиталистического (частнособственнического) общества, и, соответственно, складывается особая социально-психологическая атмосфера, которая посредством усугубления отчуждения/самотчуждения человека в процессе труда и потребления непременно проявляется в различных видах его расчеловечивания и дегуманизации общественных отношений в целом.

Специфика этой формы морали выражается в следующем:

- в условиях власти денег отдельный человек, обуруаемый жадной наживы, накопительства, стремлением к достижению материального богатства (по словам К. Маркса, «моральным идеалом является *рабочий*, откладывающий в сберегательную кассу часть своей заработной платы» [21, с. 602]), все более и более утрачивает самого себя, свою совесть и человечность — это приводит к распространению атмосферы «усовершенствованной, законченной, универсальной продажности» [22, с. 605];
- отражая существующие в обществе противоречия, мораль вынужденно разрывается (разделяется) на несколько частей, зачастую

непримиримых между собой, которые соответствуют социально-экономическим и политическим интересам определенных социальных групп (классов), — это способствует образованию атмосферы взаимной отчужденности и враждебности;

- со стороны господствующих классов весьма активно используются лицемерная пропаганда, моральная фразеология, религиозная риторика, политическая казуистика для прикрытия неприглядных моментов эксплуатации и обнищания, для одурачивания и обмана населения. Все это выдается под видом общепринятой морали, по словам Маркса, «...посмотри, что скажут тетушка Мораль и тетушка Религия» [21, с. 603], и создается атмосфера «всеобщего лицемерия», которая вводит в заблуждение простых людей, дезориентирует их, одурачивает и одурманивает их сознание, тем самым еще больше унижая их морально;

- обострение социальных противоречий в условиях господства капитала непосредственно влияет на процесс самоотчуждения человека, усиливает проявление различного рода деформаций его сознания и девиантного поведения, а это в массовом сознании ведет к тому, что нравственность как таковая отрицается и признается ее противоположность — безнравственность, т. е. практически устанавливается атмосфера вседозволенности и безответственности [23, с. 146, 147].

Исторический опыт показывает, что природа капитализма в социально-экономическом плане уже значительно себя исчерпала на рубеже XIX–XX вв., все последующие попытки оптимизации буржуазных производственных отношений были непосредственно связаны как с военно-политическими кампаниями по переделке мира и завоеванию новых источников сырья и рынков сбыта, так и с использованием различного рода ухищренных способов и акций для дестабилизации общественной жизни и усугубления кризисного состояния: буржуазия «подготавливает более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им» [20, с. 147].

Возникающие противоречия социально-морального характера в системе капиталистических отношений, казалось бы, не столь существенные и заметные на первый взгляд, в реальности являются своеобразным генератором и катализатором *системного социального кризиса*, который еще более усугубляет состояние существующих производственных отношений. В результате проявляется такая закономерность: с течением времени сами морально деформированные человеческие отношения начинают негативно влиять (*обратная связь*) на капиталистический способ производства, что постепенно и неминуемо ведет к его искажению, отходу от классических образцов, т. е. он становится все более *деформированным* в социально-экономическом плане. Различного рода деформированные проявления капитализма с отчетливо выраженными негативными морально-психологическими элементами можно

наблюдать в виде «олигархического капитализма», «номенклатурного капитализма», «монетаристского капитализма», «теневого капитализма», «криминального капитализма» и т. п.

На современном этапе, наряду с масштабным по своей силе и размерам производственным капиталом, все более активно и напористо проявляет себя банковско-финансовый капитал, который не связан напрямую с производством и его участниками, а прежде всего заинтересован в максимальном своем увеличении, причем обычно не ограничивает себя в средствах, что является «питательной почвой» для распространения «теневых» финансовых и коммерческих операций, коррупционных и криминальных явлений.

В индустриальном обществе, наряду со сферой производства, все большую силу приобретает сфера потребления с характерными для нее морально-психологическими чертами. Ж. Бодрийяр замечает: «Ныне родилась новая мораль, мораль опережающего потребления по отношению к накоплению, мораль убегания вперед, форсированного инвестирования, ускоренного потребления и хронической инфляции (копить деньги становится бессмысленно); отсюда берет начало вся современная система, где вещь сначала покупают, а затем уже выкупают своим трудом. Благодаря системе кредита мы возвращаемся к сугубо феодальным отношениям» [24, с. 173]. Подобного рода зависимость человека составляет замкнутый круг, который все более сужается, вытесняя на периферию сферу духовного потребления и весьма значительно искажая ее сущность и содержание, что отрицательно влияет на индивидуально-личностное развитие человека.

В контексте современного кризиса капитализма следует переосмыслить известную марксистскую формулу: «Угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся *революционным переустройством* всего общественного здания или *общей гибелью борющихся классов*» (курсив авт. — О.П.) [20, с. 142].

Первый предполагаемый сценарий — «революционное переустройство общественного здания», согласно классической марксистской схеме, непосредственно связан с утверждением идеи коммунизма, когда закономерно «на место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой *свободное развитие каждого* является условием свободного развития всех» (курсив авт. — О.П.) [20, с. 160].

Второй сценарий — «общая гибель борющихся классов» — по существу может быть представлен как *реальный* процесс постоянного возникновения, напряжения и обострения отношений между капиталом и наемным трудом, которые образуют своего рода «заколдованный круг». «Наемный труд, труд пролетария... создает капитал, т. е. собственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность,

которая может увеличиваться лишь при условии, что она порождает новый наемный труд, чтобы снова его эксплуатировать» [20, с. 154]. Этот «круговорот» капитала и наемного труда функционирует и сохраняется длительное время в силу определенных социально-политических детерминант. Буржуазная идеология и право, искусно и лицемерно прикрывающие антигуманный по своей сути капиталистический способ порабощения и потребления, вводят в заблуждение сознание людей абсолютизацией идей демократии и либерализма, распространением адаптированных религиозных догматов и культовой практики, превращают отдельного индивида в «деталь» функционирующего механизма производства-потребления, послушного исполнителя различных политических действий и акций. Неприкрытый соблазн и мещанский образ жизни завораживают сознание простых людей, они включаются в рекламируемый мир товаров и услуг, погружаются в «пучину» всеобщего потребления. Все эти обстоятельства влияют на духовно-нравственное состояние человека, сдерживая его развитие, или даже напрямую ведут к его деградации в личностном плане. Получается, что и представители буржуазии в силу своего социально-классового положения, и представители наемного труда в силу вовлеченности в буржуазный образ жизни — все они вольно или невольно становятся участниками присущего для капитализма процесса *социально-морального разложения*.

Принимая во внимание то, что этот процесс все более и более набирает силу по мере развертывания капиталистического способа производства, что даже *деформирует* присущие ему производственные отношения, можно утверждать, что класс буржуазии и класс пролетариата как классические образцы и символы эпохи капитализма исчезают с политической арены, границы между ними размываются за счет действия социальных «лифтов», с одной стороны, увеличения мелкобуржуазных слоев и маргинальных элементов и соответствующего им образа жизни — с другой. Следовательно, борьба между этими классами в марксистском понимании теряет актуальность, а объединяет эти классы в условиях деформированного капитализма их постепенная социально-моральная деградация, которая естественно и неминуемо ведет к «общей гибели борющихся классов». Получается, что классы как большие социальные группы, занятые в общественном производстве, исчезают, растворяются, но остаются конкретные живые люди, а значит, актуализируются взаимоотношения между ними — *межличностные отношения*, в реализации которых первостепенную роль начинает играть именно моральный фактор персонализированного характера.

На пути к информационно-гуманитарной цивилизации. С позиции цивилизационного подхода, в противовес нарастающим при капитализме тенденциям расчеловечивания (обесчеловечивания), откры-

ваются новые возможности для раскрытия процесса очеловечивания человека во всем богатстве его духовно-культурных проявлений как жизненно необходимой потребности и исторической закономерности.

Основы цивилизационного подхода были заложены в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби и развивались при создании ряда социально-философских, социологических, культурологических концепций. Широкий резонанс имеет теория С. Хантингтона о столкновении цивилизаций как неизбежном итоге социокультурного процесса, что дало толчок к непрекращающейся дискуссии по этому вопросу [25]. Глубокий и всесторонний анализ становления цивилизаций содержится в работах известного российского ученого Б.С. Ерасова. Он стремится связать в единое целое их универсальный характер и самобытную природу: «Цивилизационная парадигма подразумевает преодоление «линейной» истории и рассмотрение картины сосуществования различных обществ, имеющих в своей основе универсальные принципы устройства, но претворенные в определенной модели, присущей только данной социокультурной системе» [26, с. 10].

На современном этапе, по мнению автора статьи, следует говорить о начале формирования новой общемировой цивилизации, которую можно условно называть *информационно-гуманитарной*, принимая во внимание, с одной стороны, возрастающую роль информационных ресурсов в современных социальных трансформациях, революционный характер воздействия новейших технологий на общественную и индивидуальную жизнь, с другой — повышение роли человека как творческого субъекта, активное включение духовной культуры в процесс социальных перемен.

О возникновении в современном мире нового типа цивилизационного развития пишет В.С. Стёпин, указывая на необходимость изменения базисной системы ценностей техногенной цивилизации: «Преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к *новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному*» [3, с. 99].

Рассматривая вопрос о соотношении формационного и цивилизационного процессов, можно утверждать: если ранее, на предыдущих этапах истории, в структурах социума основополагающим был экономический базис, он детерминировал и играл первостепенную роль в образовании различных форм и способов духовно-культурной жизни, то с вступлением человечества на информационный путь развития открывается новая социальная перспектива, когда цивилизационный (культурный) фактор не просто усиливается, а превращается в решающую и направляющую силу, способную последовательно

преодолевать стихийность и непредсказуемость объективного по своей природе социально-экономического процесса.

В морально-психологическом отношении современное индустриальное общество подошло к весьма опасной критической черте. Для изменения ситуации необходим кардинальный поворот вектора социального развития с производственно-технологических параметров на критерии социогуманитарного плана. Это открывает широкие возможности для осмысления и практического воплощения богатейшего духовно-нравственного потенциала мировой культуры и многочисленных национальных культур, активизации творческих усилий и достойной самореализации субъектов в лице конкретных личностей и социальных групп.

Вступление на информационный путь развития обуславливает активный аксиологический поиск, включающий:

1) формирование универсальных, отвечающих духу времени *общечеловеческих* ценностей;

2) переосмысление традиционных *национально-культурных* ценностей, адаптированных к новым социальным реалиям;

3) сохранение историко-культурных и создание новых *цивилизационных* форм человеческого бытия. При этом четко начинает проявляться то общее, что гармонизирует соотношение и взаимосвязь этих аксиологических уровней — их *гуманистическая* направленность.

Подчеркивая драматизм реального положения человека в современном мире, Э. Тоффлер считает, что оно должно быть преодолено в ходе формирования новой цивилизации. «Если нам удастся переход от старой, умирающей цивилизации к новой, обретающей форму, если *мы сохраним собственную личность* и сможем в обстановке усиливающихся кризисов *управлять своей жизнью*, мы будем в состоянии обнаружить и способствовать установлению нововведений Третьей волны. Ибо, если мы посмотрим вокруг себя, мы найдем под покровом несостоятельности и разрушений первые признаки роста и новые возможности» (курсив авт. — О.П.) [27, с. 216]. Следовательно, эти «первые признаки роста и новые возможности» непосредственно связаны с сохранением и развитием человеческой личности.

Ключевая роль в формировании новой цивилизационной парадигмы отводится прежде всего духовно-нравственным ценностям, их освоению и творческой реализации в ходе качественных преобразований общественной жизни. Сфера личностного сознания человека может и должна стать *реальным пространством* для раскрытия и обогащения его духовно-нравственного потенциала, для осмысления и воплощения идей о «добропорядочном человеке как мере и законе истины» (Аристотель), о «моральном законе во мне» и уважении

к этому закону (И. Кант), об обретении человеком «его истинной человеческой собственности» в виде собственного человеческого достоинства (К. Маркс), о совести как «нашем внутреннем судье» (П. Гольбах), «моральном светильнике, озаряющем хороший путь» (Г.В.Ф. Гегель), «нравственном чувстве» как самой сильной черте, отличающей человека от животных (Ч. Дарвин), и др.

Важно понять и то, что личностное развитие человека не может состояться в полной мере без осознания той жизненно необходимой связи, которая объединяет его с другим человеком и человечеством в целом, глубинным основанием которой, по словам И.А. Ильина, является «нравственно-духовный строй и порядок», основанный на признании *взаимной любви*. Существует реальный механизм воплощения этой взаимосвязи: «Начиная от элементарного и поверхностного учета чужого существования в формах приличия и вежливости, восходя через любезность и деликатность к любовному общению и действительной любви, человечество выработало целую сложную сеть приемов и способов взаимного нравственного приятия и взаимного нравственного проникновения», что в целом обеспечивает «непрерывную социально-духовную ткань жизни» [28, с. 805, 806].

Реальный процесс развития личностной культуры кардинальным образом изменяет характер зависимости между социальностью и духовностью. Как отмечает Н.А. Бердяев, вместо господствовавшего длительное историческое время отрыва духовной (интеллектуальной) жизни от действительности, что неминуемо выразилось для человека в «состоянии обманчивого сознания», когда «искажается сама духовность, замутняется и порабощается» [29, с. 444, 450], закономерным образом происходит поворот вектора социального развития в направлении общечеловеческих гуманистических целей, когда «духовная жизнь есть освобождение от рабства, от магической заколдованности человека, от иллюзий сознания и от подавленности бессознательной родовой традиции, от всякого рода табу, мешающих свободному движению» [29, с. 456]. Этот поворот реально сопряжен с процессом освоения людьми как материальных, так и духовных ценностей общемировой и национальной культуры, раскрытия ими своей индивидуальности и формирования человеческой личности, конкретно осуществляется не в каких-то отдельно взятых случаях, а носит массовый характер, становится определяющей тенденцией в масштабах человеческого сообщества.

Подведем итоги исследования. Происходящие в современном обществе экономические и политические трансформации непосредственно связывают с переходом человеческого сообщества на новый уровень социокультурного развития. С одной стороны, все более наглядными и небезопасными становятся изъяны и пороки капиталистических по своей сути производственных отношений, что способствует обезли-

чиванию человека и его растворению в массе технических новшеств и потребительских товаров, с другой — открываются реальные возможности по-новому осмыслить, оценить и использовать на практике интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал человека, содействовать превращению личностной культуры в ведущий фактор процесса общественных преобразований.

В социально-философском плане представляется возможным определить основные тенденции проявления морального фактора в процессе современных социальных трансформаций.

С позиции *формационного* подхода переход на информационный путь развития следует расценивать как очередной виток (стадию) в системе капиталистических отношений и как важную предпосылку смены общественно-экономического строя в исторической перспективе. В духовно-нравственной сфере сохраняется потенциал конкретно-исторической формы морали — морали капиталистического (частно-собственнического) общества, с характерными для нее элементами расчеловечивания и дегуманизации общественных отношений. С течением времени процессы социально-моральной деформации и разложения становятся катализатором системного социального кризиса, негативно влияют (*обратная связь*) на производственные отношения, существенно их деформируя.

С позиции *цивилизационного* подхода расширяются возможности для исследования процесса очеловечивания человека во всем богатстве его духовно-культурных проявлений. Выведение концепта «информационно-гуманитарная цивилизация» дает возможность, во-первых, значительно обогатить в содержательном плане разрабатываемые проекты информационного (постиндустриального) общества как будущей формации, открывающей реальные возможности для полноценного интеллектуального и нравственного развития человека, во-вторых, раскрыть возрастание роли морали, ее социально-гуманистического потенциала в духовно-культурном развитии современного общества, а также особо выделить личностный фактор в качестве одной из ведущих движущих сил кардинального преобразования общественной системы. С вступлением человечества на информационный путь развития открывается новая социальная перспектива, когда цивилизационный (культурный) фактор не просто усиливается, а превращается в решающую и направляющую силу, способную последовательно преодолевать стихийность и непредсказуемость объективного по своей природе социально-экономического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кастельс М. *Власть коммуникации*. Москва, Издательский дом ВШЭ, 2016, 564 с.
- [2] Бабосов Е.М. *Роль креативной личности в развитии сетевого общества*. Минск, Беларуская навука, 2019, 300 с.

- [3] Стёпин В.С. *Цивилизация и культура*. Санкт-Петербург, СПбГУП, 2011, 408 с.
- [4] Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех». *Вестник Института социологии*, 2018, т. 9, № 4, с. 106–136.
- [5] Зеленков А.И. Блеск и нищета глобализации. *Философия и социальные науки*, 2013, № 3/4, с. 4–12.
- [6] Водошнянов П.А., Кирвель Ч.С. Концепт постиндустриализма и реальный социальный процесс. *Социология*, 2011, № 1, с. 20–32.
- [7] Лукашевич В.К. Научный прогресс: традиционные и современные измерения. *Философские исследования: сборник научных трудов. Вып. 8*. Минск, Беларуская навука, 2021, с. 57–66.
- [8] Локосов В.В. Трансформация социальная. *Социологический словарь*. Москва, Маска, 2014, с. 535–536.
- [9] Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2000, т. 3, № 3, с. 32–39.
- [10] Можейко М.А. Современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции в философии: от постмодернизма к постпостмодернизму. *Философские науки*, 2016, № 7, с. 80–95.
- [11] Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Социокультурная трансформация: варианты интерпретации, диагностика опыта России. *Идеи и идеалы*, 2020, т. 12, № 1, ч. 2, с. 405–421.
- [12] Бабосов Е.М. *Человекомерность социальных систем*. Минск, Беларуская навука, 2015, 392 с.
- [13] Мораль в современном мире и проблемы российской этики. Материалы конференции — «круглого стола». *Вопросы философии*, 2017, № 10, с. 5–46.
- [14] Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире. *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия*, 2001, № 1, с. 18–26.
- [15] Павловская О.А. Мораль в системе социально-культурных взаимодействий и трансформаций. *Философские исследования: сборник научных трудов. Вып. 8*. Минск, Беларуская навука, 2021, с. 357–367.
- [16] Павловская О.А. Специфика проявления морального фактора в переломные исторические эпохи. *Философские исследования: сборник научных трудов. Вып. 7*. Минск, Беларуская навука, 2020, с. 50–67.
- [17] Von Weizsaecker E., Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Luxemburg, Springer, 2018, 220 p.
- [18] Collier P. *The Future of Capitalism: Facing the Anxieties*. Publisher, Harper Language, 2019, 256 p.
- [19] Лазаревич А.А. *Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания*. Минск, Беларуская навука, 2015, 537 с.
- [20] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные сочинения. В 9 т. Т. 3*. Москва, Политиздат, 1987, с. 139–171.
- [21] Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. В 39 т. Т. 1*. Москва, Политиздат, 1955, с. 598–617.
- [22] Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений*. Москва, Политиздат, 1956, с. 517–642.
- [23] Павловская О.А. *Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход*. Минск, Беларуская навука, 2021, 308 с.
- [24] Бодрийяр Ж. *Система вещей*. Москва, Рудомино, 2001, 220 с.

- [25] Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка*. Москва, АСТ, 2003, 603 с.
- [26] Ерасов Б.С. *Цивилизации. Универсалии и самобытность*. Москва, Наука, 2002, 524 с.
- [27] Тоффлер Э. *Третья волна*. Москва, АСТ, 2002, 776 с.
- [28] Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. *Вопросы философии и психологии*, 1914, № XXV, кн. 125 (V), с. 797–826.
- [29] Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. Москва, Республика, 1994, 480 с.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Павловская О.А. Моральный фактор в современном транзитивном обществе: социально-философский анализ. *Гуманитарный вестник*, 2022, вып. 1.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-1-760>

Павловская Ольга Александровна — канд. филос. наук, доцент, ведущий научный сотрудник ГНУ «Институт философии Национальной академии наук Беларуси».
e-mail: olga.pavl@tut.by

Moral factor in modern transitive society: socio-philosophical analysis

© O.A. Pavlovskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, 220072, Republic of Belarus

The paper focuses on the problem of the moral factor in terms of the ongoing global transformations; outlines the main trends of its manifestation in the conditions of social transitivity; gives the author's interpretation of the concept of morality introducing a theoretical model of the moral factor, which makes it possible to comprehensively express the role of morality in the system of socio-cultural interactions and reveal its specifics in socio-historical dynamics. In the context of modern transitional society, the contradictory essence of the moral factor is shown: the weakening and fall of public morals, moral and legal regulation; on the other hand, the emergence and deployment of new, life-affirming principles in human existence. Relying on the formational approach, we found that the aggravation of the process of social and moral decay inherent in capitalism is a catalyst for a systemic social crisis, has a reverse, i.e. negative, effect on existing production relations, significantly deforms them and contributes to the emergence of various quasi-economic forms. Findings of research show that the concept of "information and humanitarian civilization" makes it possible to clearly understand the role of morality, its social and humanistic potential in the spiritual and cultural development of modern society, as well as highlight the personal factor as one of the leading driving forces of the cardinal transformation of society.

Keywords: social transformations, transitional society, morality, crisis of capitalism, moral deformations, humanistic values, personality culture

REFERENCES

- [1] Castells M. *Communication Power*. Oxford University Press Inc., New York, 2009, 571 p. [In Russ.: Castells M. *Vlast kommunikatsii*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016, 564 p.].
- [2] Babosov E.M. *Rol kreativnoy lichnosti v razvitiy setevogo obschestva* [The role of a creative personality in the development of a network society]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019, 300 p.
- [3] Stepin V.S. *Tsivilizatsiya i kultura* [Civilization and culture]. St. Petersburg, SPbUHSS Publ., 2011, 408 p.
- [4] Lapin N.I. *Vestnik Instituta sociologii (Bulletin of the Institute of Sociology)*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 106–136.
- [5] Zelenkov A.I. *Filosofiya i sotsialnye nauki (The Journal of Philosophy and Social Sciences)*, 2013, no. 3–4, pp. 4–12.
- [6] Vodopyanov P.A., Kirvel Ch.S. *Sotsiologiya — Sociology*, 2011, no. 1, pp. 20–32.
- [7] Lukashovich V.K. Nauchny progress: traditsionnyye i sovremennyye izmereniya [Scientific progress: traditional and modern dimensions]. *Filosofskie issledovaniya: sbornik nauchnyh trudov, vyp. 8* [Philosophical studies. Collection of scientific papers, issue 8]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021, pp. 57–66.
- [8] Lokosov V.V. *Transformatsiya sotsialnaya. Sotsiologicheskiy slovar* [Social transformation. Sociological dictionary]. Moscow, Maska Publ., 2014, pp. 535–536.

- [9] Lapin N.I. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii — The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2000, vol. 3, no. 3, pp. 32–39.
- [10] Mozheiko M.A. *Filosofskie nauki — Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2016, no. 7, pp. 80–95.
- [11] Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. *Idei i idealy — Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, no. 1, part 2, pp. 405–421.
- [12] Babosov E.M. *Chelovekomernost sotsialnykh system* [Human dimension of social systems]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015, 392 p.
- [13] Moral v sovremennom mire i problemy rossiyskoy etiki. Materialy konferentsii — «kruglogo stola» [Morality in the modern world and problems of Russian ethics. Materials of the conference — “round table”]. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2017, no. 10, pp. 5–46.
- [14] Guseynov A.A. *Vestnik Moskovskogo universiteta — Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2001, no. 1, pp. 18–26.
- [15] Pavlovskaya O.A. Moral v sisteme sotsialno-kulturnykh vzaimodeystviy i transformatsiy [Morality in the system of social and cultural interactions and transformations]. *Filosofskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov, vyp. 8* [Philosophical studies. Collection of scientific papers, issue 8]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021, pp. 357–367.
- [16] Pavlovskaya O.A. Specifika proyavleniya moralnogo faktora v perelomnye istoricheskie epokhi [The specificity of the manifestation of the moral factor in critical historical eras]. *Filosofskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov, vyp. 7* [Philosophical studies. Collection of scientific papers, issue 7]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020, pp. 50–67.
- [17] Von Weizsaecker E.U., Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Luxemburg, Springer, 2018, 220 p.
- [18] Collier P. *The Future of Capitalism: Facing the Anxieties*. Publisher, Harper Language, 2019, 256 p.
- [19] Lazarevich A.A. *Stanovlenie informatsionnogo obschestva: kommunikatsionno-epistemologicheskie i kulturno-tsivilizatsionnye osnovaniya* [Formation of the information society: communication-epistemological and cultural-civilizational foundations]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015, 537 p.
- [20] Marx K., Engels F. Manifest kommunisticheskoy partii [The Manifesto of the Communist Party]. In: *Izbranye sochineniya. V 9 t., t. 3* [Selected works in 9 vols., vol. 3] Moscow, Politizdat Publ., 1987, pp. 139–171. (In Russ.).
- [21] Engels F. Polozhenie Anglii. Vosemnadsaty vek [The position of England. The eighteenth century]. In: *Sochineniya. V 39 t., t. 1* [Works in 39 vols., vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1955, pp. 598–617. (In Russ.).
- [22] Marx K. Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow, Politizdat Publ., 1956, pp. 517–642. (In Russ.).
- [23] Pavlovskaya O.A. *Moral v perekhodnom obschestve: sotsialno-filosofskiy podkhod* [Morality in a transitive society: socio-philosophical approach]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021, 308 p.
- [24] Baudrillard J. *Le system des objets*. Gallimard, Paris, 1968, 260 p. [In Russ.: Baudrillard J. *Sistema veshchey*]. Moscow, Rudomino Publ., 2001, 220 p.].
- [25] Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster, 1996, 368 p. [In Russ: Huntington S.P. *Stolknovenie tsivilizatsiy i preobrazovanie mirovogo poryadka*. Moscow, AST Publ., 2003, 603 p.].
- [26] Erasov B.S. *Tsivilizatsii. Universalii i identichnost* [Civilizations. Universals and identity]. Moscow, Nauka Publ., 2002, 524 p.

- [27] Toffler E. *The Third Wave*. William Morrow, 1980 [In Russ.: Toffler E. *Tretya volna*. Moscow, AST Publ., 2002, 776 p.].
- [28] Ilin I.A. *Voprosy filosofii i psikhologii — Issues of Philosophy and Psychology*, 1914, vol. 125 (V), no. XXV, pp. 797–826.
- [29] Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 480 p.

Pavlovskaya O.A., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Lead Research Fellow, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus.
e-mail: olga.pavl@tut.by